

Научная статья

УДК 821.161.1, 82-31, 398-21

DOI 10.17223/18137083/80/4

**Сказочная фантастика
в русской рукописной беллетристике конца XVII –
первой трети XVIII века**

Любовь Александровна Курышева

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

kurysh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6796-2413>

Аннотация

Анализируются изменения в трактовке волшебства, произошедшие в переводных и оригинальных повестях конца XVII – первой трети XVIII в. В ряде беллетристических произведений этого периода представления о волшебстве тесно связаны с христианским мировоззрением. Свою лепту в рождение сугубо жанровой сказочной фантастики, свободной от оценок, внесли первые русские переводы французских сказок М.-К. д’Онуа, выполненные в Петровскую эпоху: «Повесть о Флорине» (1700 – конец 1710-х гг., сказка о Голубой птице) и «Гистория о принце Адолфе» (1720–1730-е гг., сказка об Острове Блаженства). В беллетристических текстах этого времени мы наблюдаем формирование жанровой категории сказочной фантастики. Происходит постепенное замещение категории «чуда» жанровым пониманием фантастики.

Ключевые слова

русская литература XVII–XVIII вв., фольклор и литература, рукописная беллетристика, волшебная сказка

Для цитирования

Курьшева Л. А. Сказочная фантастика в русской рукописной беллетристике конца XVII – первой трети XVIII века // Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 34–44. DOI 10.17223/18137083/80/4

**Fairy-tale fantasy in Russian handwritten fiction
of the late 17th – first third of the 18th centuries**

Liubov A. Kurysheva

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

kurysh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6796-2413>

Abstract

The paper analyzes the changes in interpreting magic, fairy-tale fiction that occurred in translated and original stories of the late 17th – first third of the 18th centuries. A number of fiction works of this period show representations of magic closely linked to the Christian

© Курьшева Л. А., 2022

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 34–44

Siberian Journal of Philology, 2022, no. 3, pp. 34–44

worldview, with some works appearing referring to magic and sorcery as a non-judgmental category. The first Russian translations of fairy tales by M.-C. d'Aulnoy's made in the Petriner era contributed to the appearance of pure genre fiction free from judgment. These were "The Tale of Florine" (1700 – late 1710s, "L'oiseau bleu") and "The History of Prince Adolf" (1720–1730s, L'Ile de la Félicité). A fairy was an entirely unfamiliar character to the Russian reader. In The Tale of Florine, the word "fée" was translated by "ega baba" ("yaga baba") commonly used to refer to women with demonic forces. Magical abilities were designated by "vorozhenie" (divination) and "yagina mudrost'" (yaga's wisdom). In the manuscripts of The History of Prince Adolf, fairies appear as "goddesses" and "gods", and magical abilities – "l'esprit de féerie" – as "divine spirit". When describing magical actions, Russian translators of French fairy tales use everyday vocabulary related to the sphere of folk magical beliefs or associated with the Russian folklore and book tradition. In the period under study, we observe the formation of the genre category of fairy-tale magic and a gradual replacement of the category of "miracle" by a genre-conditioned understanding of magic.

Keyworlds

Russian literature of the 17th–18th centuries, handwritten fiction, folklore and literature, fairy tale

For citation

Kuryshva L. A. Fairy-tale fantasy in Russian handwritten fiction of the late 17th – first third of the 18th centuries. *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 3, pp. 34–44. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/80/4

Элементы сказочной поэтики довольно рано проникают в русские летописные исторические предания. Вместе с тем первые памятники русской словесности, в которых прослеживается структура сказочного сюжета, относятся к концу XV – XVI в. [Ромодановская, 1994, с. 128–129]. Точное время рождения фольклорной волшебной сказки в России нам неизвестно¹. Некоторые идеи были сформулированы в свое время Е. А. Костюхиным. Он высказал мнение об относительно позднем формировании жанра – не ранее XVII–XVIII вв. Кроме того, ученый отметил проницаемость границ книжности и устного народного творчества и предположил, что литература могла стать источником для формирования сказочного фольклорного фонда [Костюхин, 2004, с. 561].

В пользу этой версии говорят исследования русской культуры XVII в. Со второй половины столетия в ней наблюдается активное развитие беллетристики, возрастание роли сказочных сюжетов в литературном повествовании и знакомство с новыми жанрами "неполезного чтения" [Панченко и др., 1970; Ромодановская, 1994; Małek, 1992].

В этой статье мы проанализируем подачу сказочной фантастики в беллетристических произведениях переходной эпохи и Петровского времени, а также обратим внимание на изменения, происшедшие в трактовке волшебства. Материалом послужили переводные и оригинальные повести конца XVII – первой трети XVIII в.: «Повесть о царице и львице» (русская обработка переводной «Повести об Отгоне», сюжет об оклеветанной жене – АТУ 883А²), «Повести о царе и его дочери»³ (сюжет о мертвой царевне – АТУ 709), «Повесть о купце Григории» (русская обработка приклада о чернокнижнике и рыцаревой жене из сборника

¹ О ранних записях народных сказок см.: [Новиков, 1971].

² АТУ – Aarne A., Thompson St., Uther H.-J. Index of international folktales. URL: <https://www.duchas.ie/en/aath> (дата обращения 19.06.2022).

³ Единственный известный список этого памятника озаглавлен «Повесть о некоем царе и о дочери его», для большего удобства мы упростили название.

«Римские Деяния»), ранние переводы двух французских сказок М.-К. д'Онуа о Голубой птице и об Острове Блаженства – «Повесть о Флорине» (сюжет о возлюбленном-птице – АТУ 432) и «Гистория о принце Адолфе» (сюжет о крае, где не умирают – АТУ 470В)⁴.

В ряде беллетристических произведений этого периода представления о волшебстве тесно связаны с христианским мировоззрением. Конфликт определяют две силы: зло инициирует ненавистник человечества – дьявол, от Бога исходят чудесные события, восстанавливающие порядок вещей. Проводниками первого нередко выступают «злые жены». Обратимся к примерам из «Повести о царице и львице» (последняя четверть XVII в.) и «Повести о царе и его дочери» (конец XVII – начало XVIII в.): «Мати же царева, *завиствуя на царицу*, невестку свою, яко любит ея царь и за добродетель ея почитаема бе от всех, и не любяше ея... обрете тогда подобно время *злобе своей и научением вражиим* нача смышляти, да наведет на царицу пагубу» (Повесть о царице и львице, с. 427); «Дщерь же царева творяше милостыню на всяк день, своими руками подающе и трапезу убогим поставляше. *Лютый же враг, искони ненавистник творящим милостыни*, вложи мысль царице... Тогда *лукавый враг разже сердце у царицы яростию* великою» (Повесть о царе..., с. 260) (здесь и далее курсив наш. – Л. К.). Благодаря божественному вмешательству происходят чудесные, вначале необъяснимые события. Лвица уносит младенца и заботится о нем: «И обрете во острове исхходяща лвицу и с чадом ея, и питающу младенца, и играющу с ним, и тешащу его. И порадовася царица, яко жив есть сын ея, и благодарив о том и моляше Бога... унесенное лвицею возложи Богови, во уме своем моляшеса о снабдении сына своего» (Повесть о царице и львице, с. 432). Богобоязненные и добродетельные персонажи одерживают победу благодаря Божественному промыслу. Счастливый исход, чудесное избавление от беды сопровождается благодарственной молитвой: «И егда приехаша ко братьям... и виде их мертвых, и начаша горько плакати и копия из них вынимати. Егда же отьяша из них копия, братия востаха и быша живы и целы. И все дивишася и великом чюдеси и радовашеса радостию великою зело и прославляше Бога» (Повесть о царе..., с. 266). Избавление от змея, воскрешение царевны также сопровождаются прославлением «всещедраго» Бога «о таком великом чюдеси» (Повесть о царе..., с. 262, 266). Интересно, что в «Повести о царе и его дочери» есть не только проявление Божественной воли в форме чуда. Волшебная сила злого персонажа, мачехи, инспирирована дьяволом, хотя момент ее передачи не слишком прояснен; чтобы погубить падчерицу она изготавливает отравленную сорочку: «Царица же... *дьявольским коварством сотвори* срочку вельми прекрасну... повеле ея натерти *лутым зелием*» (Повесть о царе..., с. 263).

Примерно в это же время в России появляются беллетристические произведения, в которых магия и волшебство упомянуты как безоценочная категория. Прежде всего это «Повесть о куце Григории» (рубеж XVII–XVIII вв.). Действиям мага-любовника, которого подговорила извести мужа злая жена-изменница, противостоит искусство волшебника, помогающего благочестивому мужу избежать смерти. Как отмечено Е. К. Ромодановской, в этой повести едва ли не впервые

⁴ Исследование памятников: [Чалкова, 1985; 2011; Ромодановская, 1994, с. 154–159; Курьшева, 2017; Małek, 2021]. См. также: Курьшева Л. А., Карева Н. В. Русские версии французской галантной сказки // Рукописная беллетристика в светской культуре Петровского времени: Коллективная монография (в печати).

в русской литературе “нет темы христианского обличения колдовских действий” [Ромодановская, 1994, с. 158]. При этом по сравнению с прикладом сборника «Римские Деяния», послужившем источником этой обработки, русская повесть «оказывается еще свободнее от обязательной средневековой оценки волшебства», что связано, по мысли ученого, с «обмирщением» литературы в XVII в. [Там же, с. 159].

Свою лепту в рождение сугубо жанровой сказочной фантастики, свободной от оценок, внесли первые русские переводы французских сказок, выполненные в Петровскую эпоху. Рассмотрим подробнее, как передают и интерпретируют создатели «Повести о Флорине» (1700 – конец 1710-х гг.) и «Истории о принце Адолфе» (1720–1730-е гг.) всё, что имеет отношение к волшебству.

Начнем с персонажей, которые непосредственно связаны с магией. В «Повести о Флорине»⁵ для обозначения мужского персонажа-волшебника переводчик сказки использовал лексемы “мудрец” и “колдун”, что соответствует разнообразию наименований французского оригинала, в котором используются слова «*enchan-teur*» и «*magicien*»⁶. Отметим, что наряду с упомянутыми обозначениями в литературных памятниках первой трети XVIII в. широко использовалось слово «волхв» в значении ‘волшебник, мудрец, прорицатель’, а также дериваты с этим корнем⁷. Например, в уже упомянутой «Повести о купце Григории» злые и добрые магические силы были представлены «жидовинным, исполненным всякого волхования» и «мудрецом» (Повесть о купце Григории, с. 95).

Совершенно новым и непривычным для русского читателя был такой персонаж французской литературной сказки, как фея. В «Повести о Флорине» для перевода слова «*fée*» (‘фея’) переводчик использовал обозначение «ега баба» («яга баба»), которым в источниках XVII–XVIII вв. назывались женщины, связанные с демоническими силами [Смилянская, 2002; Антонов, Майзульс, 2011]. Новацией со стороны переводчика стало обозначение «ягой бабой» волшебницы вообще, независимо от того, злая она или добрая: «D’ un enchanteur à une fée il n’y a que la main; ils se connaissaient depuis cinq ou six cents ans» (L’oiseau bleu, p. 211) – «Между мудрецом и ягою-бабою мало разности, и знали уже друг друга более 500 лет» (Повесть о Флорине, л. 60 об. – 61).

По другому пути пошел создатель «Истории о принце Адолфе»⁸. Хотя во французском источнике «Истории» среди действующих персонажей нет фей,

⁵ См.: Повесть о Флорине (РГАДА, ф. 178, оп. 1., ед. хр. 183) / Подгот. текста Л. А. Курышевой (в печати).

⁶ Ср.: «on lui dit que, si quelque fée ou quell que *enchanteur* la prenaient sous leur protection» (L’oiseau bleu, p. 206) – «знатно же, некоторая ега-баба или какой *колдун* ее берегут» (Повесть о Флорине, л. 45 – 45 об.); «*Le magicien* se déchaîna contre elle et contre toutes les femmes» (L’oiseau bleu, p. 209) – «*Мудрец* розсерьдился на нее и на всех женщин» (Повесть о Флорине, л. 54 об.).

⁷ Так, в переводе «Аполлодора... библиотеки или о богах» «искуснейшим *волхвом*» назван царь Амфаон, который «летающих птиц гласы разумел и... людям будущее провозвещал», а также «в приносимых жертвах *волшебствовати* умел» (Барсов, 1725, с. 54). Сходное словоупотребление мы встречаем у Феофана Прокоповича: «Авгуры нарицалися чин утвержденных *волхвов*. Которыи наблюдая на птицы... прорицали щастливое или нещастливое поведение начинаемых дел» (Феофан Прокопович, 1721, с. 6). Выражаю сердечную благодарность Наталье Владимировне Каревой за консультации.

⁸ См.: История о принце Адолфе (ГИМ, Барс., № 2358; БАН, 19.2.38; РГБ, ф. 310, № 912; ГЛМ, ф. 439, оп. 1, № 224; ГИМ, Заб., № 536; РНБ, Вяз., Q.200) / Подгот. текста Л. А. Курышевой (в печати).

русский переводчик встретился с этим понятием при описании красот дворца на волшебном острове Блаженства. Дворец, пишет д'Онуа, обставлен мебелью, которая сделана руками фей, причем самых галантных: «les meubles y étaient faits de la mains des fées, et même des plus galantes» (L'Ile de la Félicité, p. 136)⁹. В списках «Гистории» понятие фей предстает в вариантах с корнем 'бог': «а протчие уборы принуждали смотреть силою на себя, будто бы руками богинь устроены были» (ГИМ, Барс., 2358, л. 8 об.); ср. «...руками богини» (БАН, 19.2.38, л. 133 об.) и «...руками богов» (РГБ, ф. 310, № 912, л. 58 об.; ГЛМ, ф. 439, оп. 1, № 224; ГИМ, Заб., № 536, л. 32 об.; РНБ, Вяз., Q.200, л. 10). Предположительно, в архетипе всех списков «Гистории» эквивалентом французских фей были «богини».

От волшебных персонажей перейдем к тому, как представлены в переводах французских сказок магические умения и действия, волшебство вообще. Начнем с «Повести о Флорине». Для обозначения магических способностей доброй феи («l'art nécromancien») переводчик пользуется прилагательным, образованным от существительного «яга», – он пишет о «ягиной мудрости». Ср.: «La reine demeurant ravie de ce nouveau chef-d'œuvre de l'art nécromancien» (L'oiseau bleu, p. 218) – «Королева зело обрадовалась такой предивности от ягиной мудрости» (Повесть о Флорине, л. 80 об.)¹⁰. При этом лексема «мудрость», употребленная в значении 'искусства', соотносится с русской фольклорно-книжной традицией описания магических знаний и умений [Агапкина, 2020]. В другом эпизоде, повествующем о лечении раненого короля при помощи волшебства, для французского выражения «искусство некромантии» переводчик выбрал более общепотребительное слово «вороженье» [Словарь русского языка XI–XVII вв., 1976, с. 32; Словарь русского языка XVIII века, 1988, с. 71]. Чтобы подчеркнуть магические знания персонажа, создатель «Повести» использует тавтологические повторы «иной бы... воздвигался, однако ж... сие дело не в диво ставил». В этом же фрагменте французского оригинала говорится о том, что волшебник произносит слова из волшебной книги – «deux mots de grimoire»¹¹. В соответствующем эпизоде «Повести» волшебная книга не упомянута, вместо нее фигурирует народная магия, культ заговоров: чтобы вылечить Прекрасного короля, колдун “заговорил кровь” и “заговорные слова пошептал”. Приведем фрагмент французской сказки и его перевода целиком:

L'oiseau bleu

Повесть о Флорине

Un autre que lui aurait été étonné Иной бы боле как он воздвигался,
plus qu'il ne le fut; mais il n'ignorait однако ж ему все *вороженье* было знае-

⁹ Французское выражение «fait de la main des fées» употреблялось при обозначении чего-то, исполненного с большим искусством и изящностью, подробнее о русском переводе сказки «L'Ile de la Félicité» и литературной истории «Гистории о принце Адолфе» см.: Курьшева Л. А., Карева Н. В. Русские версии французской галантной сказки.

¹⁰ Отметим, что во французском оригинале речь идет о черной магии, о которой д'Онуа говорит в юмористическом ключе. Некромант, согласно определению в словаре А. Фуретьера, – это волшебник, способный вызывать дьявола и с его помощью воскрешать мертвых: «Nécromancien. Magicien qui communique avec le diable, et qui l'invoque pour faire des choses extraordinaires, et surtout par l'apparition des morts» (Furetière, 1690, s. p.).

¹¹ По определению «Словаря Французской Академии», «grimoire» – это книга, которой волшебники пользуются, чтобы вызвать демонов: «Grimoire... Livre dont on dit que les Magiciens se servent pour évoquer les démons, etc.» (Dictionnaire de l'Académie Française, 1694, vol. 1, p. 542).

aucun tour de *l'art nécromancien*: il ne lui en coûta que *quelques paroles pour arrêter le sang* qui coulait encore; et avec des herbes qu'il trouva dans le bois, et sur les quelles il dit *deux mots de grimoire*, il guérit le roi aussi parfaitement que s'il n'avait pas été blessé (p. 209).

мо, и сие дело не в *диво* ставил. Затем *заговорил кровь*, которая еще бежала, и добыл травы в том лесу, на которую *заговорные слова пошептал*. И в тот час короля вылечил, будто он и ранен не бывал (л. 53 об. – 54).

Как видим, при описании волшебных действий русский переводчик в соответствующих фрагментах использует бытовую лексику, относящуюся к сфере народных магических верований.

В другом эпизоде французской сказки упомянуты невидимые «духи» («*esprits*») – популярное и неоднократно обыгрываемое во французской беллетристике представление о множестве миров и населяющих их духов [Williams, 1982, p. 18]. Во французской сказке речь идет о распространяющейся людской молве, которая таким образом объясняет появление в лесу неведомого певца: «...sa voix ravissait les passants, ils l'entendaient et ne voyaient personne, aussi il était conclu que *c'étaient des esprits*» (L'oiseau bleu, p. 203). Переводчик пользуется лексемой «чудо», к которому добавляет сказуемое с тем же корнем: «Глас тех песней зело проклаждал проезжих, которые глас слыша, а никою не видя, и чаели, что в том лесу *некакое чудо чудит*» (Повесть о Флорине, л. 37 – 37 об.). Использование подобного рода тавтологических конструкций характерно для народной поэзии [Евгеньева, 1963, с. 117–140].

Выше мы обратили внимание на то, что в списках «Истории о принце Адолфе» феям соответствуют лексемы с компонентом 'бог'. Из других примеров из «Истории» становится понятным, что использование слов с корнем 'бог' было приемом, найденным переводчиком для передачи атмосферы сверхъестественности и волшебства вообще. Описывая великолепие и совершенство дворца принцессы, д'Онуа говорит, что все искусства участвовали в его строительстве: «Il semblait que *tous les arts* avaient concouru avec un égal succès à la magnificence et à la perfection de cet édifice» (L'île de la Félicité, p. 137). В русском переводе (это нашло отражение только в списках Полной редакции «Истории») в соответствующем месте употреблено выражение «хитрости богов»: «Думал, что совершенно *все хитрости богов* вспомоществовали оным мастерам делать сии палаты» (БАН, 19.2.38, л. 134). Как показало проведенное ранее исследование, в русскую версию французской сказки переводчик привносит тему «премудрости», которая относится к обоим персонажам – принцу Адолфу и принцессе Красоты и Веселия, а также к обстоятельствам их встречи в целом. Нами была высказана идея о связи этой темы в «Истории» с синонимическими парами слов с *хитр-* / *мудр-*, отвечающими за представление сферы магических знаний в русских фольклорных текстах и книжных памятниках¹².

¹² См. об этом: *Курьшева Л. А., Карева Н. В.* Русские версии французской галантной сказки. Об особом тематическом поле магических знаний в фольклоре и книжных памятниках, которое сформировалось использованием синонимических пар со словами *с хитр-* / *мудр-* см.: [Агапкина, 2020].

Волшебные способности принцессы описаны во французской сказке при помощи специального слова «*féerie*», их происхождение д'Онуа связывает с дарами условных античных богов: «*par l'esprit de féerie que les dieux m'ont donné, je prévois que si vous négligez mon conseil...*» (L'île de la Félicité, p. 143)¹³. В списках Полной редакции «Гистории» волшебные способности – «*l'esprit de féerie*» – переданы при помощи выражения «божественный дух»: «понеже *божественным духом*, поданным мне *от богов*, предвижу, что ежели вы мои слова оставите...» (РГБ, ф. 310, № 912, л. 62). В другом эпизоде сказки Адолф встревожен тем, что не знает языка принцессы, а она не говорит на его языке. Переносящий его на волшебный остров ветерок Зефир отвечает, что принцесса знает всё и они быстро поймут друг друга: «*la princesse est universelle, et je suis persuadé que vous parlerez bientôt un même langage*» (L'île de la Félicité, p. 99). В «Гистории» всезнание принцессы объяснено при помощи понятия «премудрость»: «Принцеса все языки чрез данную ей от богов премудрость знает» (ГИМ, Барс., 2358, л. 8; ср. вариант в списках Краткой редакции «Гистории»: «принцеса все языки знает и данную от богов премудрость», ГИМ, Заб., № 536, л. 32 об.; РНБ, Вяз., Q.200, л. 9 об.).

В заключение коротко остановимся на описании волшебных превращений в «Повести о Флорине». По нашим сведениям, это первое описание в русской литературе магических действий при помощи волшебной палочки. Эпизод, закончившийся превращением короля в птицу, начинается с того, что фея дотрагивается до юноши – после этого он не может пошевелиться: «*elle le toucha, et ses pieds s'attachèrent au parquet, comme si on les y avait cloués*» (L'oiseau bleu, p. 197). Русский переводчик конкретизирует, что колдовство начинается с удара палочкой: «...ударя ево *батошкой*, ноги ево скорчилися, и ногти великие выросли, и не мог с места воротнута» (Повести о Флорине, л. 18). Превращение птицы обратно в короля происходит при помощи троекратного удара: «*En trois coups de baguette il se vit le même qu'il avait été, beau, aimable, spirituel et magnifique*» (L'oiseau bleu, p. 212) – «...яга-баба ударила Птицу трою своим *батошкой*, король стал пригож и умилнея прежнего, разума и высокоумия совершеннова» (Повесть о Флорине, л. 64).

Подведем итоги. На примере беллетристических текстов переходной эпохи и Петровского времени мы видим формирование жанровой категории сказочного волшебства. Происходит постепенное замещение категории «чуда» жанровым пониманием фантастики. В переводах французских сказок, датируемых Петровским временем, сказочные события, волшебные предметы, злые поступки, магия не связываются с божественной и inferнальной силами. Для передачи понятий, связанных с проявлениями сказочного волшебства и в целом атмосферы чудесного, переводчики обращаются к словарному фонду фольклорной традиции и произведений древнерусской книжности, а также к лексике, используемой в народных магических практиках. Из самых ярких находок отметим «егу бабу» («ягу бабу») и «богиню» для передачи французского понятия «фея», а также «божественный дух» как эквивалент волшебных способностей («*l'esprit de féerie*»). Всё это говорит об определенном этапе освоения нового жанра литературной сказки и, возможно, о влиянии переводных произведений на становление отечественной фольклорной сказки.

¹³ Об античном коде в сказках д'Онуа см.: [Magné, 1980; Defrance, 1998, p. 209–220].

Список литературы

- Агапкина Т. А.* «Благоверная царица хитра была мудра»: об одной синонимической паре в русском фольклоре // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5, № 2. С. 336–389.
- Антонов Д. И., Майзульс М. Р.* Демоны и грешники в древнерусской иконографии: семиотика образа. М.: Индрик, 2011. 376 с.
- Евгеньева А. П.* Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв. М.; Л.: АН СССР, 1963. 348 с.
- Костюхин Е. А.* К проблеме взаимоотношений между фольклором и литературой в Древней Руси // *ТОДРЛ*. 2004. Т. 55. С. 560–562.
- Курьшева Л. А.* О новонайденной «Повести о некоем царе и о дочери его» // XVIII век. 2017. № 29. С. 252–259.
- Новиков Н. В.* Русская сказка в ранних записях и публикациях // Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI–XVIII века). Л.: Наука, 1971. С. 3–39.
- Панченко А. М., Лихачев Д. С., Демкова Н. С.* Основные направления в беллетристике XVII века // Истоки русской беллетристики. Л.: Наука, 1970. С. 476–561.
- Ромодановская Е. К.* Русская литература на пороге Нового времени: пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск: Наука, 1994. 232 с.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1976. Вып. 3. 288 с.
- Словарь русского языка XVIII века. Л.: Наука, 1988. Вып. 4. 256 с.
- Смилянская Е. Б.* «Суеверное письмо» в судебно-следственных документах XVIII в. // Отреченное чтение в России XVII–XVIII вв. / Отв. ред. А. Л. Топорков, А. А. Турилов. М.: Индрик, 2002. С. 75–98.
- Чалкова Т. Ф.* О структуре и жанровой специфике «Повести о царице и львице» // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 98–113.
- Чалкова Т. Ф.* Повесть о царице и львице: особенности художественной структуры // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, № 2: Филология. С. 108–115.
- Defrance A.* Les contes de fées et les nouvelles de madame d’Alnoy (1690–1698). L’imaginaire féminin à rebours de la tradition. Genève: Droz, 1998. 368 p.
- Malek E.* «Неполезное чтение» в России XVII – XVIII веков. Warszawa; Łódź: Wydawnictwo naukowe PWN, 1992. 123 с.
- Malek E.* «История о цесаре Отоне» в древнерусском переводе и ее позднейшие обработки. (Исследование и издание текстов). Warszawa: BEL Studio, 2021. 825 с.
- Magné B.* Le chocolat et l’ambrosie – Le statut de la mythologie dans les contes de fées de la fin du XVII siècle // *Littérature classique*. 1980. № 2. P. 95–146.
- Williams E. D.* The Fairy tales of madame d’Aulnoy. A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree doctor of philosophy. Huston, Texas, 1982.

Список источников

- [Барсов А. К.] Аполлодора грамматика афинейского библиотеки или о богах. М., 1725.

Повесть о купце Григории / Подгот. текста и коммент. Е. К. Ромодановской // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 1 / Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М.: Худож. лит., 1988. С. 95–97.

Повесть о некоем царе и о дочери его / Подгот. текста Л. А. Курышевой // XVIII в. 2017. № 29. С. 259–267.

Повесть о царице и львице / Подгот. текста и коммент. Т. Ф. Чалковой // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 1 / Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М.: Худож. лит., 1988. С. 427–441.

Феофан Прокопович. Розыск исторический, коих ради вин, и в каком разуме были и нарицались императоры римские, как языческие, так и христианские, понтифексами или архиереями многобожного закона. СПб., 1721.

[Aulnoy, M.-C., d'] L'oiseau bleu // *Jasmin N. Naissance du conte féminin. Mots et merveilles, les contes de fées de Madame d'Aulnoy*. Paris: Champion, 2002. P. 189–222.

[Aulnoy, M.-C., d'] L'île de la Félicité // *Jasmin N. Naissance du conte féminin. Mots et merveilles, les contes de fées de Madame d'Aulnoy*. Paris: Champion, 2002. P. 129–145.

Dictionnaire de l'Académie Française. Paris: chez la veuve de J. B. Coignard, 1694.

Furetière A. Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots François tant vieux que modernes et les termes de toutes les sciences et des arts. Haye, Rotterdam: Arnout et Reinier Leers, 1690. Vol. 2.

References

Agapkina T. A. “Blagovernaya tsaritsa khitra byla mudra”: ob odnoy sinonimicheskoy pare v russkom fol'klore [“The Blessed Empress was cunning and wise”: about one synonymous pair in Russian folklore]. *Studia Litterarum*. 2020, vol. 5, no. 2, pp. 336–389.

Antonov D. I., Mayzul's M. R. *Demony i greshniki v drevnerusskoy ikonografii: semiotika obraza* [Demons and Sinners in Old Russian Iconography: semiotics of the image]. Moscow, Indrik, 2011, 376 p.

Chalkova T. F. O strukture i zhanrovoy spetsifike “Povesti o tsaritse i l'vitse” [On the structure and genre specifics of “The Tale of the Queen and the Lioness”]. In: *Pamyatniki literatury i obshchestvennoy mysli epokhi feodalizma* [Monuments of literature and social thought of the era of feudalism]. Novosibirsk, 1985, pp. 98–113.

Chalkova T. F. Povest' o tsaritse i l'vitse: osobennosti khudozhestvennoy struktury [The Tale of the Queen and the Lioness: Features of the Artistic Structure]. *Vestnik NSU Series: History and Philology*. 2011, vol. 10, no. 2, pp. 108–115.

Defrance A. *Les contes de fées et les nouvelles de madame d'Alnoy (1690–1698). L'imaginaire féminin à rebours de la tradition*. Genève, Droz, 1998, 368 p.

Evgen'eva A. P. *Ocherki po yazyku russkoy ustnoy poezii v zapisyakh 17–20 vv.* [Essays on the language of Russian oral poetry in the notes of the 17th–20th centuries]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1963, 348 p.

Kostyukhin E. A. K probleme vzaimootnosheniy mezhdu fol'klorom i literaturoy v Drevney Rusi [On the problem of the relationship between folklore and literature in ancient Russia]. In: *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Transactions of the Department of Old Russian Literature]. St. Petersburg, 2004, vol. 55, pp. 560–562.

Kuryshva L. A. O novonaydennoy “Povesti o nekoem tsare i o dshcheri ego” [About the newly found “Tale of a certain king and his daughter”]. In: *XVIII vek* [18th century]. Moscow, St. Petersburg, 2017, no. 29, pp. 252–259.

Novikov N. V. Russkaya skazka v rannikh zapisyakh i publikatsiyakh [Russian fairy tale in early records and publications]. In: *Russkie skazki v rannikh zapisyakh i publikatsiyakh (16–18 veka)* [Russian fairy tales in early records and publications (16th–18th centuries)]. Leningrad, Nauka, 1971, pp. 3–39.

Małek E. “*Istoriya o tsesare Otone*” v drevnerusskom perevode i ee pozdneyshie obrabotki. (*Issledovanie i izdanie tekstov*) [“The story of Caesar Otton” in Old Russian translation and its later adaptations. (Research and publication of texts)]. Warszawa, BEL Studio, 2021, 825 p.

Małek E. “*Nepoleznoe chtenie*” v Rossii 17 – 18 vekov [“Unuseful Reading” in Russia in the 17th – 18th Centuries]. Warszawa, Łódź, Wydawnictwo naukowe PWN, 1992, 123 p.

Magné B. Le chocolat et l’ambrosie - Le statut de la mythologie dans les contes de fées de la fin du XVII siècle. *Littérature classique*. 1980, no. 2, pp. 95–146.

Panchenko A. M., Likhachev D. S., Demkova N. S. Osnovnye napravleniya v belletristike 17 veka [The main trends in the fiction of the 17th century]. In: *Istoki russkoy belletristiki* [The origins of Russian fiction]. Leningrad, Nauka, 1970, pp. 476–561.

Romodanovskaya E. K. *Russkaya literatura na poroge Novogo vremeni: puti formirovaniya russkoy belletristiki perekhodnogo perioda* [Russian Literature on the Threshold of a New Age: ways of formation of Russian fiction of the transitional period]. Novosibirsk, Nauka, 1994, 232 p.

Slovar’ russkogo yazyka 1–17 vv. [Dictionary of the Russian language of the 1st–17th centuries]. Moscow, Nauka, 1976, iss. 3, 288 p.

Slovar’ russkogo yazyka 18 veka [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Leningrad, Nauka, 1988, iss. 4, 256 p.

Smilyanskaya E. B. “*Suevernoe pis’mo*” v sudebno-sledstvennykh dokumentakh 18 v. [“Superstitious letter” in forensic documents of the 18th century]. In: *Otrechennoe chtenie v Rossii 17–18 vv.* [Renounced reading in Russia in the 17th–18th centuries]. A. L. Toporkov, A. A. Turilov (Eds.), Moscow, Indrik, 2002, pp. 75–98.

Williams E. D. *The Fairy tales of madame d’Aulnoy*. A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree doctor of philosophy. Huston, Texas, 1982.

List of sources

Aulnoy M.-C. (d’). L’oiseau bleu. In: Jasmin N. *Naissance du conte feminin. Mots et merveilles, les contes de fées de Madame d’Aulnoy (1690–1698)*. Paris, Champion, 2002, pp. 189–222.

Aulnoy M.-C. (d’). L’île de la Félicité. In: Jasmin N. *Naissance du conte feminin. Mots et merveilles, les contes de fées de Madame d’Aulnoy (1690–1698)*. Paris, Champion, 2002, pp. 129–145.

Barsov A. K. *Apollodora grammatika afineyskogo biblioteki ili o bogakh* [Apollodorus’ Grammar of the Athenian Library, or about the Gods]. Moscow, 1725.

Dictionnaire de l’Académie Française. Paris, chez la veuve de J. B. Coignard, 1694.

Feofan Prokopovich. *Rozysk istoricheskii, koikh radi vin, i v kakom razume byli i naritsalis’ imperatory rimskie, kak yazycheskie, tak i khristianskie, pontifeksami ili*

arkhiereyami mnogobozhnogo zakona [A historical study on about what titles the Roman emperors had and why]. St. Petersburg, 1721.

Furetière A. *Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots François tant vieux que modernes et les termes de toutes les sciences et des arts*. Haye, Rotterdam, Arnout et Reinier Leers, 1690, vol. 2.

Povest' o kuptse Grigorii [The tale of the merchant Gregory]. Podgot. teksta i komment. E. K. Romodanovskaya (Ed. and comm.). In: *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. 17 vek. Kn. 1* [Monuments of Ancient Russian Literature. 17th century. Bk. 1]. L. A. Dmitrieva, D. S. Likhacheva (Comps., Eds.). Moscow, Khudozh. lit., 1988, pp. 95–97.

Povest' o nekoem tsare i o dshcheri ego [Tale of a king and his daughter]. L. A. Kurysheva (Prep. of the text). In: *XVIII vek* [18th century]. Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arkheo, 2017, coll. 29: Literaturnaya zhizn' Rossii XVIII veka [Literary life of Russia in the 18th century]. pp. 259–267.

Povest' o tsaritse i l'vitse [The Tale of the Queen and the Lioness]. T. F. Chalkova (Prep. of the text and comm.). In: *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. 17 vek. Kn. 1* [Monuments of Ancient Russian Literature. 17th century. Bk. 1]. L. A. Dmitrieva, D. S. Likhacheva (Comps., Eds.). Moscow, Khudozh. lit., 1988, pp. 427–441.

Информация об авторе

Любовь Александровна Курьшова, кандидат филологических наук
WoS Researcher ID K-9651-2018

Information about the author

Liubov A. Kurysheva, Candidate of Philology
WoS Researcher ID K-9651-2018

*Статья поступила в редакцию 15.05.2022;
одобрена после рецензирования 20.06.2022; принята к публикации 20.06.2022
The article was submitted 15.05.2022;
approved after reviewing 20.06.2022; accepted for publication 20.06.2022*